

В этот момент Инь Сюнь наконец понял, что они с Лу Цинцзю говорили о совершенно разных вещах. Глядя на непроницаемое лицо Бай Юэху, он захотел просто бросить друга и ускользнуть в одиночку. Лу Цинцзю всё еще не понимал, почему Инь Сюнь так мучается, и спросил: «Что ты сказал? Какое признание? Кто признается?»

Инь Сюнь в страдальческом жесте спрятал лицо в ладонях: «Я не могу на тебя смотреть».

Рядом тихо сидел Бай Юэху и наблюдал за их перепалкой. Когда его взгляд упал на Лу Цинцзю, черные зрачки слегка блеснули.

Инь Сюнь отказался говорить, и Лу Цинцзю решил, что тот просто валяет дурака, поэтому перестал обращать на него внимание и повернулся к Бай Юэху. Ему хотелось поскорее разобраться с хвостами и выяснить причину: действительно ли жизнь Бай Юэху подходит к концу, как сказал Су Янь, или есть другая причина?

Лу Цинцзю спросил: «Юэху, правда ли то, что сказал Су Янь? Он говорил, что хвосты отпадают только у лис на пороге смерти».

Бай Юэху помолчал мгновение и ответил: «Большинство лис – да».

Лу Цинцзю: «И?»

Бай Юэху: «Но я – особый вид лисы».

Лу Цинцзю: «...»

Бай Юэху: «Так что не волнуйся о моей смерти».

Услышав это, Лу Цинцзю действительно немного успокоился. Он спросил: «Правда?»

Бай Юэху кивнул.

«Хорошо, – сказал Лу Цинцзю и рассмеялся, а затем как бы невзначай заметил: – Я уже почти подумал, что это не твои хвосты».

Бай Юэху, Инь Сюнь: «...»

После этих слов Бай Юэху бросил на Инь Сюня безэмоциональный взгляд. Инь Сюнь выдавил улыбку, которая выглядела хуже, чем слезы.

Вслед за Бай Юэху Лу Цинцзю тоже посмотрел на Инь Сюня. «Инь Сюнь, Бай Юэху не умрет,

чего ты рыдаешь?»

Инь Сюнь подумал про себя: «Конечно, Бай Юэху не умрет. Тот, кто умрет – это я». – Но вслух, конечно, не сказал, лишь заставил уголки губ изогнуться в настолько фальшивой улыбке, что фальшивее не придумаешь: «Ха-ха, ха-ха, конечно, я рад за Бай Юэху!»

Лу Цинцзю хмыкнул. Наконец он подвел итог: «Значит, Бай Юэху – особый вид лисы, и потеря хвостов для него нормальна?»

Инь Сюнь болезненно кивнул.

Бай Юэху издал равнодушное «Хм».

«Тогда можете пойти поиграть, а я пойду на кухню готовить». – Лу Цинцзю встал, ловко закрыв тему, повернулся и направился на кухню.

Инь Сюнь хотел было последовать за ним, но Бай Юэху бросил на него взгляд, безмолвно приказывая остаться. Напуганный до смерти, Инь Сюнь мог только плакать внутри и, объятый паникой, снова сел на стул.

Фигура Лу Цинцзю исчезла за дверью гостиной, оставив Бай Юэху и Инь Сюня смотреть друг на друга.

«Ты ведь знаешь, что сказать, правда?» – начал Бай Юэху.

«Знаю, знаю, – твердо сказал Инь Сюнь. – Бай-дагэ, я ни за что тебя не сдам!»

Посмотрите на этот кризис! Разве он не случился из-за того, что ты используешь дешевые поддельные хвосты низкого качества?!

Бай Юэху бросил коротко: «Хм. Тогда ступай».

Инь Сюнь вскочил и опрометью кинулся на кухню, не смея оставаться с Бай Юэху наедине ни мгновения дольше.

На кухне Лу Цинцзю, низко опустив голову, перебирал овощи. Заслышав шаги Инь Сюня, он даже не обернулся. Инь Сюнь тихонько подошёл и уже раскрыл рот, чтобы спросить, что тот собирается готовить, как Лу Цинцзю, по-прежнему не поднимая головы, невозмутимо осведомился: «Бай Юэху – кто он такой?»

Инь Сюнь: «...»

Лу Цинцзю продолжил: «Он ведь не лис, правда?» – Он никогда не видел Бай Юэху в его истинном обличье, поэтому и понятия не имел, кто он на самом деле. Ему лишь было непонятно, зачем Бай Юэху так упорно скрывает свою сущность. Неужели его истинная форма настолько необычна?

От этого вопроса по спине Инь Сюня пробежал табун мурашек. Он чувствовал, как взгляд Бай Юэху пронзает стены и впивается прямо в него. Ответ он неверно – и сегодняшний обед наверняка станет для него последней трапезой.

И вот, сломленный превосходящей силой, Инь Сюнь – жалкий, беспомощный и слабый горный бог – предал своего лучшего друга и остатки собственной совести. Он выпалил: «Бай Юэху – лис».

Лу Цинцзю обернулся и взглянул на Инь Сюня.

Тот притворился беззаботным: «Чего ты на меня так смотришь?»

Лу Цинцзю: «Хм... Хотя быть любопытным нехорошо, мне и правда очень любопытно».

Инь Сюнь: «...»

Лу Цинцзю махнул рукой: «Ладно, не будем об этом».

Он и сам чувствовал, что Бай Юэху вовсе не лис, но не понимал, почему знание его истинного облика было под таким строгим запретом. Слово узнай кто-то правду – и случится непоправимое. Но раз Бай Юэху не желает признаваться, он слишком ленив, чтобы допытываться. Пока Бай Юэху в безопасности – и ладно. К тому же теперь, когда Юэху и его хвосты разделились, Лу Цинцзю сможет вдоволь обнимать хвосты и спать отдельно, не теснясь с хозяином на одной кровати. При этой мысли Лу Цинцзю даже чуть не рассмеялся.

Увидев его непроницаемое лицо, Инь Сюнь решил, что тот расстроен, и заворчал: «Цзю-эр, есть вещи, которые знать – себе дороже!»

Лу Цинцзю: «Он что, какое-то насекомое или жуткая ползучая тварь?»

Инь Сюнь решительно мотнул головой: «Конечно, нет. Он – лис. Самый настоящий лис».

Лу Цинцзю: «Почему – лис?»

«Кому ж не понравится мягкая пушистая лиса?» – Особенно таким падким на внешность людям, добавил Инь Сюнь про себя.

Лу Цинцзю счёл это убедительным. Как ни крути, а при виде больших пушистых хвостов Бай Юэху в самом начале он и правда ощущал в душе радость и даже толику восхищения. Обаяние этих девяти пушистых хвостов было поистине сокрушительным...

Лу Цинцзю сказал: «Ладно, сегодня на обед сделаем яичницу с острым зелёным перцем».

Инь Сюнь: «...» Слишком резкий поворот, не находишь?

Поначалу Бай Юэху полагал, что Лу Цинцзю продолжит допытываться о его происхождении, однако после того разговора тот ни разу не поднял эту тему – словно вовсе ничего не заметил. Но кое-что всё же задевало Бай Юэху: Лу Цинцзю относился к его хвостам куда теплее, чем к нему самому.

Ночами, укладываясь спать, Лу Цинцзю с наслаждением прижимал к себе его хвосты, сворачивался калачиком под одеялом, тёрся о них лицом, тёр и тёр, пока не засыпал.

Когда Бай Юэху лишился хвостов, он одновременно потерял и право спать с Лу Цинцзю на одном кане – его отправили в соседнюю гостевую комнату, ведь холода ему были не страшны.

Так прошло несколько дней. Лу Цинцзю всё ещё утопал в пушистом блаженстве и не помышлял выбираться. Но однажды утром, когда он ещё крепко спал, в его комнату вошёл Бай Юэху и усталился на спящего с непроницаемым лицом.

На следующее утро Лу Цинцзю проснулся в пустой постели. Почувствовав, что чего-то не хватает, он шарил рукой вокруг, пока с ужасом не осознал: его любимые хвосты... ах нет! Хвосты Бай Юэху исчезли.

«Юэху! Юэху! – Растерявший большие хвосты, всё ещё в пижаме и тапочках, Лу Цинцзю ворвался в комнату Бай Юэху с воплем: – Беда!

Бай Юэху спокойно спросил: «Что стряслось?»

«Твои хвосты пропали! – воскликнул Лу Цинцзю. – Я сжимал их, когда засыпал прошлой ночью, а проснулся – их нет! Пропали!»

«Пропали?» – переспросил Бай Юэху.

«Правда пропали! – заламывая руки, подтвердил Лу Цинцзю. – Я обыскал всю комнату, их нигде нет!»

«Не тревожься, – успокоил его Бай Юэху. – К весне у меня вырастут новые».

Лу Цинцзю: «...А?»

Бай Юэху: «Просто подожди немного».

Глаза Лу Цинцзю округлились. Судя по тону, Бай Юэху не шутил.

«Ты можешь отрастить их заново?»

«Конечно».

Лу Цинцзю остолбенел. Он впервые слышал, чтобы лисы отращивали хвосты после того, как те отпадали. Может, Бай Юэху вовсе не лис, а огромная ящерица? Но ведь Инь Сюнь поклялся, что он не какая-то мерзкая ползучая тварь...

С потерей хвостов Лу Цинцзю словно лишился части души. А вдобавок лисёнка Су Янь забрали домой, и этой короткой зимой он потерял два своих самых драгоценных сокровища. Лу Цинцзю был сражён наповал.

В тот день Бай Юэху и Инь Сюнь обедали лапшой быстрого приготовления.

Инь Сюнь уставился на стоящую перед ним чашку, намотал лапшу на вилку, шумно втянул её и вполголоса спросил: «Что ты натворил?»

Бай Юэху: «...»

Инь Сюнь пояснил: «Когда Цзю-эр не в духе, мы всегда едим лапшу быстрого приготовления».

Бай Юэху помедлил: «Я забрал хвосты и сказал, что они вернутся только весной».

«Зачем?» – изумился Инь Сюнь.

Даже сознавая свою неправоту, Бай Юэху оставался непоколебим: «Он целыми днями только и делал, что обнимал эти хвосты».

Инь Сюнь опешил: «А если он не может обнимать хвосты, что ему остаётся? Обнимать тебя?»

«Я не против», – пожал плечами Бай Юэху.

«...» А вот Лу Цинцзю – против! Вслух Инь Сюнь, конечно, этого не сказал.

Он отхлебнул бульона, чтобы успокоиться и не ляпнуть чего-то необратимого. Подумав мгновение, выдал: «А покажи ему на время уши. Пусть Цзю-эр погладит – хоть немного душу отведёт. Он же у нас до всего пушистого падкий, ты сам знаешь...»

Бай Юэху нахмурился.

«Иначе он, чего доброго, задумается и порежется, когда будет готовить!» – добавил Инь Сюнь.

Эти слова наконец тронули Бай Юэху. Он кивнул в знак согласия.

И вот той же ночью убитый горем Лу Цинцзю, который весь день ходил сам не свой, увидел перед собой Бай Юэху с серьёзным лицом. Лу Цинцзю удивился: он уже собирался спросить, что случилось, как услышал: «Мои хвосты исчезли, но ты можешь обойтись ушами...» – по крайней мере, уши отвалиться не могут.

С этими словами на голове Бай Юэху появились два пушистых уха – чисто-белые, и мягкие на вид, они даже слегка дёрнулись. Лу Цинцзю не мог оторвать от них взгляда.

«Можно... можно потрогать?» – выдохнул он.

«Можно».

Едва прозвучало разрешение, Лу Цинцзю протянул руки – правую и левую – и крепко ухватился за оба уха. Они были тёплыми, мягкими – словно две маленькие грелки для рук.

«Такие... такие мягкие... – прошептал Лу Цинцзю. – Бай Юэху, ты такой милый».

Да кем бы ни был Бай Юэху на самом деле! Лишь бы у него росли уши и хвосты, для Лу Цинцзю он останется прекраснейшим лисьим духом. Узнай Инь Сюнь, о чём думает его друг, он наверняка отчитал бы его за легкомыслие.

Бай Юэху с невозмутимым видом принял комплимент и велел: «Спи».

Лу Цинцзю блаженно кивнул.

Так, по совету Инь Сюня, Бай Юэху успешно вернулся в постель Лу Цинцзю. Пусть ценой стало то, что он позволил тискать свои уши, – для Бай Юэху это было сущей безделицей, и он не возражал.

Вот так, на фоне всех этих шуточных препирательств, конец года стремительно приближался.

Это был первый Новый год Лу Цинцзю после возвращения. Само собой, ему хотелось встретить праздник как следует. Бай Юэху и Инь Сюнь были обеими руками «за»; мало того – Бай Юэху пообещал притащить гору свежайших припасов, а Инь Сюнь вызвался помогать на кухне.

Перед самым Новым годом Лу Цинцзю позвонил Су Яню. В разговоре Су Янь вдруг спросил, что за женщина в меховом воротнике у Су Си.

Лу Цинцзю на пару секунд задумался, прежде чем вспомнил: в воротнике шубки Су Си пряталась крошечная Наложница Повелителя дождя... Честно говоря, если бы Су Янь не спросил, он бы уже и думать о ней забыл.

«Мать Су Си решила, что у него блохи, – сказал Су Янь, – а когда купала его, сняла с него человечка».

Лу Цинцзю ответил: «Прости. Завтра я попрошу Бай Юэху приехать за ней».

Если подумать, они же разнесли гробницу Наложницы Повелителя дождя, так что обращаться с ней грубо было бы не по совести.

«Не стоит беспокоить Бай Юэху, – ответил Су Янь. – Я пришлю её обратно с Су Си после Нового года».

Лу Цинцзю: «А... Хорошо».

«С наступающим Новым годом, господин Лу», – сказал Су Янь.

«Спасибо. И вас с Новым годом!» – рассмеялся Лу Цинцзю.

Осенью в деревне Шуйфу уже провели Осенний фестиваль, зимой пришлось пережить лютые холода, так что весной здесь не пахло новогодним весельем. Но Лу Цинцзю это не смущало. Он заранее, ещё до зимы, закупил всё нужное – несколько огненно-алых фонарей да бумажные вырезки на окна. Молодой человек с радостью украсил дом, наполнив его духом праздника.

Бай Юэху ненадолго отлучился и принёс целый ворох свежих овощей и мяса. Большею частью это были редкие фантастические звери, пойманные в горах, а овощи лис попросту купил в городе.

Жаль только, телевизор не ловил сигнал, так что пришлось пропустить новогодний гала-концерт. Но собраться всей семьёй и съесть дымящийся ужин воссоединения – разве этого мало?

Лу Цинцзю продумал меню до мелочей и накрыл стол, ломившийся от яств. Приготовил рыбу, тушёную курицу, поджарил гору овощей и даже слепил большую тарелку круглых клейких рисовых шариков с кунжутной начинкой. Пельменей надо было тоже налепить – но Лу Цинцзю сделал их всего по горстке на каждого, для порядка.

В канун Нового года погода выдалась на диво сносная – хоть снег не валил. Лу Цинцзю запалил во дворе целую связку хлопушек. Треск стоял такой, что уши закладывало, и от этого на душе становилось особенно празднично. Так уж было заведено в деревне: пусть народ бедствует, а под Новый год – хоть пару хлопушек, но запалить, чтобы прогнать старые беды и встретить новый, добрый год.

Клочки красной бумаги оседали на белый снег, словно увядшие лепестки дикой сливы – до того красиво.

«Может, устроим салют?» – спросил Лу Цинцзю.

«Ты купил?» – Инь Сюнь загорелся любопытством. С тех пор как не стало бабушки с дедушкой, он не встречал весёлого Нового года – праздник, такой важный для каждого китайца, для него был просто днём из календаря.

«Ага, – улыбнулся Лу Цинцзю. – Я попросил Бай Юэху купить, пока он был в городе».

Место тут глухое, фейерверки ещё не запретили, так что он велел лису прихватить немного – захотелось, чтобы этот Новый год был чуточку живее.

«Давайте запустим после ужина, – сказал Инь Сюнь, – а то еда остынет».

«Ладно, – кивнул Лу Цинцзю, – пошли. Юэху, идём за стол».

Три человека и две «свиньи» вернулись в дом и принялись за чудесный ужин воссоединения. На столе стояло больше дюжины блюд – с лихвой хватило бы, чтобы наесться до отвала и даже напиться. Лу Цинцзю принёс виноградное вино собственного приготовления и налил каждому по чашке.

В доме было тепло и уютно. Смех и разговоры лились рекой, пока часы не пробили полночь, возвещая приход Нового года.

Насытившись едой, трое вернулись во двор, каждый держа в руках фейерверк. Эти фейерверки, каждый разной формы, были подожжены и вспыхнули ярким светом.

Инь Сюнь носился по снегу, смеясь как ребёнок. Бай Юэху стоял позади, и в его глазах отражались разноцветные всполохи. Лу Цинцзю громко крикнул: «С Новым годом!» – и, достав четыре толстых красных конверта, вручил по одному Инь Сюню, Бай Юэху, Сяо Хуа и Сяо Хэй.

«Ты даёшь мне красный конверт? – Инь Сюнь для виду отказался, но рука сама собой сунула конверт в карман, и на губах его заиграла улыбка, обнажившая милый тигриный зуб. – Спасибо, папа».

[Красные конверты раздают старшие, но Цинцзю и Инь Сюню ровесники.]

Лу Цинцзю: «Ай, хороший мальчик», – и перевёл взгляд на Бай Юэху.

Тот скосил глаза на Лу Цинцзю и сжал свой конверт в руке. Каким-то чудом Лу Цинцзю понял этот взгляд, не сдержал смеха и сказал: «Просто возьми, не обязательно звать меня папой».

Только тогда Бай Юэху молча убрал конверт.

Кто бы мог подумать, что самый богатый человек в этом доме – самый обычный на вид человек, Лу Цинцзю?

Примерно через десять дней после Нового года лютые зимние дни должны были кончиться. Снег растает, и всё оживёт. В новом всегда теплится надежда, и нельзя не ждать грядущего года с замиранием сердца.

У Лу Цинцзю было полно планов. Будущей весной он думал завести улей – чтобы был свой мёд, и посадить во дворе всякие фруктовые деревья. Пройдёт несколько лет, и осенью ветви прогнутся под гроздьями алых и жёлтых плодов – красота неопишуемая.

Когда стемнело, Инь Сюнь попрощался и ушёл к себе. Лу Цинцзю дождался Нового года, но вымотался, велел Бай Юэху не трогать посуду до утра, а просто растопить кан и лечь спать.

Одеяло было тёплым, ласково грело тело. Лу Цинцзю мял уши Бай Юэху и болтал с ним под одеялом: «Им не щекотно от моих пальцев?»

«Нет, – ответил Бай Юэху. – Они ничего не чувствуют».

Услышав это, Лу Цинцзю на мгновение замер, потом спросил: «Твои хвосты весной снова отрастут, да?»

Бай Юэху кивнул.

Лу Цинцзю успокоился. Уткнувшись лицом в одеяло, оставив на виду лишь пару сонных глаз, он пробормотал: «Хорошо... когда хвосты пропали... я правда перепугался...»

Бай Юэху лежал рядом. Стоило ему чуть опустить взгляд – и он видел лицо Цинцзю.

Лу Цинцзю был из тех людей, с кем чувствуешь себя как дома. Тёплый – но не обжигающий, он манил к себе, и, приблизившись, ты не боялся обжечься.

Бай Юэху впервые встречал такого человека.

Даже спустя долгое время он так и не смог до конца вписаться в мир людей. Не потому что не умел – просто не хотел.

Можно выбиваться из сил, а людям всё равно не угодишь. Бай Юэху было лень стараться.

Многие боги и духи думали так же. Многого, чего жаждали люди, они не понимали. Его интересовала лишь человеческая еда, но и в неё частенько примешивалось столько лишнего, что аппетит пропадал.

А еда Лу Цинцзю была чистой. Он никогда ничего не просил у Бай Юэху и, уж тем более, не ждал от него отплаты за добро. Те немногие люди, которых Бай Юэху встречал прежде, меняли своё отношение, узнав, что он не человек. Одни начинали лебезить, подлизываться. Другие пугались, становились холодными и шарахались.

Только Лу Цинцзю по-прежнему вёл себя с ним как с обычным постояльцем.

Человек рядом уже спал, но всё ещё не выпускал из пальцев его пушистые уши. Бай Юэху почувствовал лёгкую беспомощность, но руку не убрал – позволил ему тереть, сколько вздумается.

Это было начало нового года. А новое всегда сулит перемены.

Лу Цинцзю проснулся рано утром и сварил каждому по четыре круглых таньюаней*. Они были не похожи на обычные – каждый размером с пол кулака, с чёрной кунжутной пастой внутри. Сладкие и упругие.

[Шарики из рисовой муки со сладкой или мясной начинкой, в супе.]

Эти четыре шарика – давняя традиция, которую бабушка рассказывала ему в детстве: чтобы четыре времени года прошли кругло и гладко, без запинок.

После таньюаней Лу Цинцзю сварил им по тарелке пельменей. С начинкой из свинины с капустой и из свинины с маринованной капустой. Свежие казались легче, но не менее вкусными, а с маринованной капустой были такими сочными, что даже Лу Цинцзю съедал за раз больше двадцати штук.

Позавтракав, Лу Цинцзю собрался навести порядок на могиле бабушки. Первый день Нового года – время помянуть предков. Он не был особенно набожен, но хотел очистить могилы.

Инь Сюнь тоже вызвался пойти, но Лу Цинцзю отказался: сказал, что хочет побыть один. Инь Сюнь поглядел на друга, раскрыл было рот – и промолчал. Видя, что Лу Цинцзю непоколебим, ему осталось лишь согласиться.

К счастью, в этот день погода выдалась сносная – без снега. Горные тропы, хоть и были трудны для ходьбы, но кладбище находилось неподалёку от деревни, так что он мог не беспокоиться, что это будет слишком хлопотно.

Лу Цинцзю взял свою сумку, где лежали приготовленные для бабушки бумажные деньги и благовония, и тотчас отправился в дорогу.

Ступая по деревенской тропе, он вскоре покинул Шуйфу. На всём пути до кладбища Лу Цинцзю не встретил ни души. И теперь, когда он задумался об этом... с тех пор, как наступила зима, вся деревня Шуйфу словно погрузилась в спячку – ни один человек не показывался на улице. Впрочем, это было естественно: зимой особых дел не было, и каждый мог спокойно оставаться в своём дворе, никуда не выходя.

Из-за снега кладбище почти полностью засыпало. Лу Цинцзю мог лишь полагаться на память, чтобы отыскать могилу бабушки. К счастью, удача не отвернулась от него, и он довольно быстро нашёл нужное место. Сначала он стряхнул всё, что накопилось на надгробии, затем зажёл у его подножия палочку благовония и сжёг несколько бумажных денег.

«Бабушка, что же ты мне оставила? – проговорил Лу Цинцзю, сжигая бумажные деньги и обращаясь к надгробию. – К нам приходил монах по имени Сюань Юй. Он сказал, что знал тебя... был ли он твоим другом?»

Изображение бабушки на каменном надгробии, как и следовало ожидать, ничего не отвечало. На чёрно-белой фотографии юная девушка смотрела тёплой улыбкой в глазах – совсем как Лу Цинцзю.

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: Бай Юэху без шерсти – не стоит и упоминания...

Бай Юэху: ...

Инь Сюнь: Да чтоб тебя, Бай Юэху, проклятье, не смей брить мне голову!

Переводчику есть что сказать:

ессе: Милота! Красота! И весна наступила... Тайна Шуйфу. Какая она?

<http://bllate.org/book/15722/1630920>